

Политический экстремизм в информационном обществе

Илья Морозов

Индустриальная эпоха с характерными для нее силовыми методами управления, массовыми механизированными армиями, международной системой, поддерживаемой ядерным паритетом сверхдержав, презрением к человеческой жизни завершилась. Сместились и многие акценты, в том числе в моделях управления государствами и подходах к обеспечению национальной и международной безопасности. Характер конфликтов на геокультурных и геополитических разделительных линиях планеты радикально изменился. «Отстающие» цивилизации в попытках конкурировать с Западом демонстрируют радикализацию общественных настроений, отвечают на культурную, финансовую и военную экспансию миграцией своего населения в «чужие» регионы и созданием международных террористических сетей.

Ирак и Югославия, пытавшиеся отразить американское вторжение силами традиционных армий, стали относительно легкой добычей для военной машины США. В то же время «Аль-Каида», не имевшая в своем распоряжении такого количества бронетех-

ники и военной авиации, как С. Хусейн или С. Милошевич, нанесла своему оппоненту гораздо более тяжелый урон.

Информация, меняющая мировоззрение людей, их представления об окружающем мире и самих себе, сегодня определяет специфику противостояния государств (блоков) и сетевых международных террористических структур. Информационное общество, трансформирующее многие традиционные установки, серьезно затрагивает и феномен *политического экстремизма*. Информационные технологии задают политическим радикалам новые параметры деятельности, критерии выживаемости, идеологические концепты, модифицируют их социальную базу, и этот феномен требует особого внимания.

Глобализация как фактор активизации сетевых экстремистских группировок

В XX веке, в эпоху исчерпания ресурса развития индустриального общества, социумы пытались продолжить восходящее раз-

витие рывками модернизации, социальными революциями. Но в результате рождались тупиковые, негибкие политико-экономические конструкты, тяготившие к автохтонности и неспособные долго существовать в условиях изменчивой внешней среды [Чешков 1999: 47–48], зато обладавшие весьма оптимистической эсхатологией. Новая стадия глобализации, локомотивом которой выступил западный мир, оказалась очередной попыткой выхода из создавшегося положения. Эпоха «дипломатии канонерок» сменилась эпохой «демократизации через авианосцы». Философы стали выдвигать одну за другой футуристические дистопии, словно предрекая печальный финал — быть может, как интеллектуальную расплату за необоснованный оптимизм индустриальной эпохи, сначала убившей духовность рационализмом, а затем подменившей сам рационализм формализованными технологиями [Рашковский 1999: 121].

Впрочем, сама глобализация уходит ментальными корнями в философию если не бунта, то вызова европейской действительности, в частности, путем противопоставления католическому христианству конгломерата мистических и рационалистических учений: светского антропоцентризма, еретических течений гностического типа [Неклесса 2000: 11]. Очевидно, здесь вновь проявляется известная социологическая закономерность: бунтарская, революционная идеология, побеждая и становясь господствующей, рано или поздно (скорость трансформации зависит от многих факторов, в том числе и от национального менталитета) теряет привлекательность в глазах даже многих своих создателей, не говоря уже о последующих поколениях.

Но благодаря научно-техническому прогрессу и открытиям в сфере социальных технологий глобализация существенно сузила поле деятельности бунтарей: на пути генезиса и интеграции социальных протестных движений классического типа встали мощные информационно-психологические блокираторы. Ответом на это и послужило формирование сетевых сообществ, впитывающих любые альтернативные идентификационно-социокультурные коды в самом широком спектре — от языческих до неонацистских.

Различия в темпах глобализации выражаются не только в том, что разные страны, а теперь уже и локальные цивилизации и субцивилизации движутся по этому пути неравномерно. Экономическое развитие опережает создание систем политического контроля над данным процессом [Барабанов 2006: 13]. В условиях обостряющейся конкуренции за невозполнимые природные ресурсы *ipso facto** происходит разделение на привилегированные (не имеющие ограничений в плане роста производственных мощностей) и непривилегированные конгломераты стран, причем первые искусственно подавляют развитие последних [Панарин 2001: 14–15].

Глобализация сопровождается, как минимум, двумя противоречивыми процессами. Во-первых, подрывается суверенитет национальных государств (не в последнюю очередь благодаря Интернету). Во-вторых, США отчаянно пытаются укрепить свою государственность, де-факто распространяя ее до имперской международной модели, и потому неизбежно становятся главной мишенью антиглобалистов, включая международных террористов. Саму столицу

* В силу самого факта (*лат.*). — *Ред.*

мировой империи после 11 сентября 2001 г. поразить весьма трудно, вот почему под удар попадает менее защищенная (хотя бы в силу географического положения) «периферия» — Западная Европа и компрадорские режимы азиатских стран, прежде всего те, которые сформировались вследствие военных операций Соединенных Штатов.

Информационная эпоха рождает новый вид террориста: на смену обезличенным, потерявшим уникальность массам комбатантов приходят профессиональные боевики-одиночки, а иерархизированные подпольные террористические организации типа западногерманской «Фракции Красной Армии» сменяются разветвленными международными террористическими сообществами, построенными и функционирующими по сетевому принципу [Тоффлер Э., Тоффлер Х. 2005: 235–236]. Речь идет о самоорганизующихся сетях, состоящих во многом из «непрофессионалов», но от того не менее опасных [Турунок 2003: 34]. Технологии работы с информацией позволяют современным террористам добиваться тех целей, на достижение которых в индустриальную эпоху тщетно растрачивали свои усилия и ресурсы профессионально подготовленные и экипированные диверсионные группы, направлявшиеся спецслужбами разных стран. При этом террорист-фанатик всегда остается маргиналом, хотя бы в силу того, что продвигаемая им идеология имеет жесткие мировоззренческие ограничители религиозного, расистского, классового характера, изолирующие его во внешней среде.

Абу Хейт, один из идеологов «Аль-Каиды», обосновывает «моральное право» на убийство четырех миллионов американских граждан (в том числе детей) количеством жертв среди мусульман, к которым за последние 50 лет привела экспансионистская

политика США и Израиля [см.: Кокошин 2004: 14]. Загадка феномена исламского экстремизма сокрыта не во встроенных агрессивных информационных кодах, якобы лежащих в основе ислама. Исламский мир просто выдвинулся на переднюю линию противодействия глобализации, оказавшись наиболее мобилизованным и подготовленным к защите от информационной интервенции — «вестернизации». Это тревожный сигнал для Запада, по отношению к которому международный терроризм сейчас выступает как «немой глашатай», требующий альтернативного проекта [Драгунский 2004].

Под терроризмом мы здесь понимаем способ ведения военных действий в условиях глобализации, нацеленный на дестабилизацию политической системы государства-противника путем массового запугивания населения, лишения его воли к сопротивлению, подталкивания к идее смены политической элиты, проводящей активную внешнюю политику. Можно ли остановить процессы «вестернизации» террористическими методами? Во всяком случае, события 11 сентября 2001 г. стали для западного мира своеобразным водоразделом. Борьба с «международным терроризмом» — как органичная часть глобализации и одновременно внешнеполитическая стратегия США — требует от России не только обозначить свое отношение к проблеме, но и принять участие в этой борьбе на стороне американцев, либо четко дистанцироваться от проамериканского курса, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Решение представляется не столь очевидным. С одной стороны, поддерживая Запад, Россия серьезно рискует сползти к межцивилизационному конфликту с исламским миром. С другой стороны, переход на сторону ак-

торов-диссидентов международной политической системы, таких как Венесуэла, Иран, Северная Корея, или просто недостаточная активность в политической поддержке американских «миротворческих операций» могут негативно отразиться на экономическом благополучии России, учитывая ее «встроенность» в мировую финансовую систему. Так, сторонники сотрудничества России с США в «антитеррористической борьбе» напоминают о слабости российской армии, высоком уровне протестных настроений внутри страны, зависимости российского бюджета от мировых цен на энергоносители и состояния рынка углеводородов. По их мнению, все это будет немедленно использовано против России в случае возникновения глубоких разногласий с администрацией США [Фельдман 2003: 14].

Не стоит забывать и о том, что террористические акции могут быть использованы правящей элитой для укрепления своей власти и развязывания репрессий против оппонентов. Например, события 11 сентября 2001 г., по мнению Л. Ларуша, претендента на выдвижение кандидатом от Демократической партии на выборах президента США 2004 г., привели Америку к состоянию, аналогичному фашистскому перевороту, с соответствующими внешне- и внутривнутриполитическими последствиями [Внешнеполитический курс Л. Ларуша для США 2003].

Информационное общество: новые вызовы и угрозы в спектре политической безопасности

Сетевые структуры протестного политического сопротивления, при всех своих преимуществах (отсутствие централизации, позволяющее повысить «живучесть»

и автономность всех элементов системы, облегченный доступ для новых участников, дешевизна обслуживания и функционирования, оперативность, идеологическая терпимость и полиморфность), имеют ряд уязвимых мест. К ним можно отнести, в первую очередь, слабость организационной структуры, вследствие чего «...движение оказывается неустойчивым, аморфным, легко размываемым и гаснущим, лишенным иммунитета против различных “вирусов” (разногласий, провокаций и т.п.)» [Бузгалин 2003: 79]. Иерархические организации — государства и надгосударственные властные структуры — пытаются воспользоваться этими недостатками сетей в борьбе с движением антиглобалистов, но пока без стратегического успеха.

Информационная революция, помимо влияния на государственно-политические институты и социум в целом, меняет, как уже отмечалось, массовую психологию, политическое сознание и поведение граждан. Однако созданный благодаря Интернету симулякр реального мира несет в себе все пороки и противоречия, характерные для своей матрицы — физического социума, и даже работает как их усилитель. Негативный фактор, проецируясь из социума в кибернетическое пространство, не просто модифицируется и усиливается, но и возвращается по принципу эха к своему прототипу, оказывая деструктивное воздействие. Это в полной мере относится к политическому экстремизму, который, будучи нацелен, прежде всего, на обеспечение publicity, всегда был тесно связан с медийными системами [Kupperman, Trent 1981: 41].

Глобальная кибернетическая магистраль не только выступает аналогом суперэффективного телефона, соединяя между собой экстремистов из уже сложившихся группировок и движений, но и умело играет

на психологии виртуальных пространств. Сеть охотно вбирает в себя в равной степени как гениев, творцов, бизнесменов, политиков, антрепренеров — всех, кто приходит в Интернет решать прагматичные задачи, так и одолеваемых психологически комплексами молодых людей, амбициозных подростков, социальных девиантов, не нашедших удовлетворения в реальном мире, аморфную массу «виртуальных обывателей» с незавершенной политической социализацией [Dayal 2005; Hess (ed.) 2002]. Все эти категории — потенциальная питательная среда не только для протестных идеологий постмодерна, но и для соответствующей практической деятельности, включая террористическую.

Классическая террористическая группировка образца индустриальной эпохи в информационном плане представляет собой автономную и довольно изолированную от внешнего дискурса ячейку. Конечно, террористы из «Фракции Красной Армии» или «красных бригад» охотно шли на контакты с прессой, вели заочную полемику с властями, обнародуя свои манифесты и обращения (в их рядах было много бывших журналистов, публицистов, университетских преподавателей) [Hoffman 2002]. Но, подобно электрической цепи постоянного тока, такая информационная ячейка, работающая на вывод информации, неохотно допускает в свое «социополе» поступающие извне идеологические информационные импульсы. Информационно-психологическая изолированность от внешнего мира, сознательная или интуитивная защита своих адептов и неопитов от конкурирующих идеологических концептов или аргументов в пользу точки зрения противоположной стороны — принцип и признак не только террористических группировок, но и религиозных сект, квази-тоталитарных субкультур.

Международная террористическая группировка, стихийно формирующаяся в киберпространстве, будет отличаться от своей «классической» версии, прежде всего, именно в информационно-психологическом плане. Разумеется, несколько радикально настроенных молодых людей с помощью автоматизированных поисковых систем Интернета могут найти друг друга «по интересам», разработать и открыть пропагандистский ресурс, установить интерактивную связь с посетителями ресурса, потребителями информации. Такая группировка может обмениваться тактическими инструкциями, финансовыми ресурсами, координировать свою деятельность во времени и пространстве, не обращая внимания на границы и часовые пояса [Denning 2000]. Но такой фактор, как свобода информационного выбора для каждого своего члена, возможность контакта с носителями альтернативных идей разной степени подготовленности и полемической изощренности, она игнорировать не сможет.

Следует различать *реальный терроризм*, приводящий к человеческим жертвам, уничтожению материальных объектов, выведению из строя систем жизнеобеспечения городов (в том числе и электронными средствами), и *виртуальный терроризм*, направленный на дестабилизацию электронных ресурсов Интернета, замкнутых на обслуживание самого виртуального сообщества. Уничтожение информационных интернет-сайтов, предпринятое в 1998 г. сторонниками субкоманданте Маркоса из объединения «Театр Электронных Повреждений» [Хозиков 2003: 117], испортило настроение лишь отдельным чиновникам, обслуживающим мексиканское правительство и государственные структуры. Между тем кибертерроризм может служить эффективным информационным оружием, со-

провожающим и усиливающим эффект от реальных террористических акций. В 2001 г. не так уж много граждан США пострадало от спор сибирской язвы, которые рассылались под видом обычных почтовых отправлений, но возникший в связи с этим информационный прессинг серьезно дестабилизировал все американское общество [Малышкин 2002: 23].

Грядущая идеология сетевого, «ризоматического» террориста может быть построена по принципу «открытой архитектуры», который допускает подключение и интеграцию самых разнообразных идеологических сегментов, порой довольно причудливых. Подобные конструкции могут быть неустойчивыми и недолговечными, но вполне достаточными, чтобы вдохновить своих адептов на опасные действия. Кроме того, идеологии сетевого типа, в отличие от тоталитарных идеологий, предназначенных для обслуживания линейно-иерархических организаций, способны к эволюции и модернизации. Именно в этом заключается их «ресурс выживаемости». Заметим, что все попытки национальных государств силовыми методами пресечь развитие международных сетевых организаций, представляющих потенциальную угрозу их безопасности, окончились неудачей [Песков 2003: 51].

Виртуальная среда, Интернет, не может в полной мере считаться электронной моделью реального мира, но она в значительной степени моделирует протекающие в нем процессы. Романтические бунтари-одиночки и протестные группы, создавшие в первое десятилетие глобального распространения Интернета миф о субкультуре хакеров, сейчас уже представляются реликтом Сети, феноменом, не находящим внятного обоснования своего собственного существования. Движение за

свободу обмена электронной информацией и компьютерными программами сменилось прагматичной кражей коммерческой продукции, результатов интеллектуального труда и сведением счетов с политическими противниками. На смену хакерам-идеалистам приходят взломщики-крэкеры, которых охотно нанимают корпорации и правительства (зачастую они же занимаются их профессиональной подготовкой). Крэкеров также активно привлекают к созданию защищенных от государственной слежки электронных сетей [Кастельс 2004: 70], в том числе экстремистских.

Разумеется, западная цивилизация по мере сил отвечает на угрозу кибертерроризма, иногда добиваясь видимых результатов. Например, в июле 2007 г. в Великобритании трое мусульман — Юнис Тсули, Тарик аль-Даур и Васим Мугаль, образовавшие преступную группу, были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за использование Интернета в целях пропаганды исламского «джихада», де-факто — терроризма [Кибертеррористы получили срок за пропаганду джихада в Интернете 2007].

Регулируемая политика СМИ в отношении террористических акций не только играет определяющую роль в обозначении «моральных маркеров», но и влияет на общий успех антитеррористической борьбы. Терроризм XXI в. — уже не информационный повод для «рекламной» кампании в СМИ, что было характерно для «классических» террористических организаций XX в. Сегодня он все больше тяготеет к превращению в самодостаточное средство войны, преследующее цель уничтожить максимальное количество людей и объектов [Коновалов, Ландабасо Ангуло 2004: 20].

В глобализирующемся мире с его взаимосвязанными политическими процессами

и прозрачностью государственных границ политическое насилие, осуществляемое террористическими методами, скорее выступает как силовой вектор борьбы цивилизаций. Разумеется, подобный взгляд разделяют далеко не все политологи, в том числе и российские. Некоторые подчеркивают, что в антиталибской операции в Афганистане совместно участвовали американцы и мусульмане, что «ислам политический» — не более чем идеологический миф, а процесс интеграции в мире ислама — объективная данность [см., напр.: Салмин 2002: 5–36].

В своей книге «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуяма обращает внимание на то, что ислам как идеология не может конкурировать с либеральной демократией вне своего традиционного исторического ареала — он эффективен с политической точки зрения, если его доктрины оглашаются в Тегеране, а не в Берлине, Токио или Москве [Фукуяма 2004: 90]. Сентенция вроде бы безупречна по своей логической конструкции, но ведь для этих стран «ислам политический» нашел другие аргументы и доводы, такие как взрыв зданий Всемирного торгового центра в Нью-Йорке или захват театрального центра в Москве.

Исламский мир предпринимает постоянные попытки интеграции, несмотря на стремление Запада сдержать этот процесс всеми доступными ему средствами. Глобализация повышает взаимозависимость элементов мировой системы, ускоряя процессы обмена материальными и информационными ресурсами, стимулируя легальные и нелегальные миграционные потоки, поощряя культурно-политическую экспансию стран «Большой восьмерки» (в первую очередь США) в менее развитые, сохраняющие устои традиционных обществ регионы планеты и получая в ответ контр-

культурное течение в виде экстремистских политических идеологий. При этом глобализация не только конструирует новый режим поддержания и укрепления международной безопасности, но и повышает уязвимость самой мировой системы, открывая периферийным силам новые «окна возможностей» для деструктивных действий.

М. Кастельс, абсолютизируя свою теорию информационного капитала, утверждал, что на протяжении 1990-х годов «все наиболее значимые общественные движения в мире организовывались при помощи Интернета» [Кастельс 2004: 115]. В качестве примера он приводил движение антиглобалистов. Но это движение весьма аморфно и многослойно по составу, стратегии и целям. Антиглобалистом в равной мере можно назвать и студента, сжигающего частные автомобили на улицах ночного Копенгагена в знак протеста против решения муниципальных властей отобрать здание у одной из последних коммунарских общин, и социолога, выступающего с докладом на очередном международном форуме антиглобалистов в Бразилии, и субкоманданте Маркоса, отправляющего в Интернет очередную «филиппику» в адрес империалистических США, и Усаму бин Ладена, отдающего приказ на совершение очередного теракта.

Постиндустриальная (и в значительной степени индустриальная) система особенно чувствительна к состоянию «символического капитала» — той духовной субстанции, которая через сеть информационных магистралей проецирует образы-маркеры, составляющие основу бытия индивида. И. Василенко отмечает, что на протяжении всей истории человечества эффективное противоборство конкурирующих государственных систем строилось именно на уничтожении этого ресурса [Василенко 2002: 36]. В XXI

веке, в отличие от века XX, эффективным деструктором символического капитала той или иной цивилизации могут выступать не государства и даже не транснациональные экономические корпорации, а международные террористические сети, вооруженные техническими достижениями информационно-компьютерной революции.

На очередном витке развития человечества мы имеем дело с извечным законом: технический прогресс опережает духовную эволюцию социума, и любой технико-технологический прорыв, позволяющий достигнуть качественного превосходства в противостоянии с геополитическими конкурентами (или порождающий иллюзию такой возможности), мгновенно обращается в силовой вектор. Сначала появляются баллистические ракеты, нацеленные на те или иные объекты, а затем уже программы мирного освоения космоса; атомная бомба, разрушающая города, предшествует реактору, снабжающему эти города электроэнергией. Было бы наивно предполагать, что начало XXI века отменит этот закон.

Информационно-психологические технологии в борьбе с экстремизмом

Силовые методы борьбы с экстремистскими движениями уже не приносят былого успеха. Информационные технологии диктуют новый подход, направленный на выявление зачастую аморфного идеологического ядра движения, идентификацию ключевых информационных кодов, определение информационно-идеологического «каркаса» группировки, прояснение роли лидеров и духовных вождей. Многие из ныне действующих экстремистских группировок зародились вокруг харизматичных лидеров, ощущавших себя творцами «судьбы

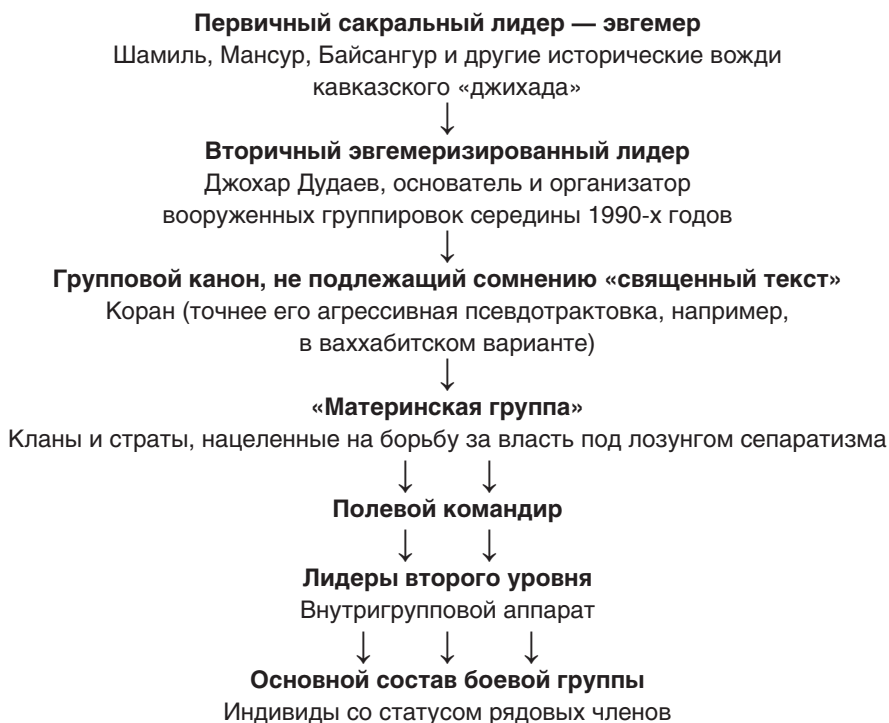
мира» и ослепленных чувством собственной значимости. И не важно, идет ли речь об исламистских фанатиках, о поборнике «конца света» Секо Асахаре, вдохновителе националистически окрашенной леворадикальной идеи Эдуарде Лимонове или о лидере талибов Мулави Омаре.

В поиске средств борьбы с экстремизмом, на наш взгляд, целесообразно обратиться к методике анализа социальных групп, разработанной американским психиатром Э. Берном [Берн 1992, 2000], разумеется, адаптировав ее к интересующей нас целевой группе. Согласно концепции Берна, любой лидер, создав группу на основе «мессианской идеологии» и позиционируя себя в качестве ее проводника, вынужден использовать, помимо рационального аппарата удержания власти над группой, иррациональную сакрализацию своих действий и права отдавать приказы. Для этого лидер апеллирует к «материнской группе» (авторитетной структуре, интересы которой он, якобы, представляет), «священному канону» (своду правил, вызывающих уважение у всех членов группы) и эвгемерам первого и второго уровней (легендарным полумифическим «героям», некогда добивавшимся успехов в том роде деятельности, которой посвятила себя группа).

Из тезиса Берна о ключевой роли сакрально-идеологического компонента в поддержании работоспособности группы можно вывести стратегию дезактивации экстремистских групп и, что самое важное, ликвидации благоприятного для их зарождения социального поля. Речь идет о *стратегии идеологического нападения* с целью разрушения всех трех сакральных составляющих «вертикали власти» (см. рис. 1), на которые опираются лидеры террористических групп. Для реализации этой стратегии необходимо предпринять следующие меры:

- деэвгемеризация исторических «героев» террористической войны путем доказательства обыденности и рудиментарности их интересов и мотивов;
 - разрушение сакрального «группового канона», обеспечивающего идеологическую подпитку террористических движений и позволяющего вербовать в их ряды новых адептов (в частности, потребуются разъяснение некоторых положений Корана, которые при поверхностном прочтении могут трактоваться с агрессивной точки зрения);
 - отрыв лидеров экстремистов от «материнской группы» (например, формирование общественного мнения о неприемлемости для большинства населения Чечни поддержки бандформирований), их маргинализация и социально-психологическая изоляция от своей национальной страны.
- В связи с этим ключевая роль в превентивной борьбе с терроризмом в ближайшем будущем будет принадлежать СМИ, школам, вузам и другим структурам политической социализации населения на территориях генерации террористических движений.

Рисунок 1. «Вертикаль власти» в исламской экстремистской группировке (информационно-психологическая модель по методике Э. Берна)

Самостоятельным направлением в работе должно стать составление личностных «игровых сценариев» лидеров экстремистских группировок. Эту часть теоретического наследия Берна можно реализовать на практике при разработке антитеррористических программ и мероприятий.

* * *

С точки зрения государства, одна из самых реалистичных стратегий в борьбе с современным экстремизмом и его террористическими проявлениями — превентивное отслеживание информационных потоков и «профилактический» контроль над деятельностью граждан, в том числе абсолютно лояльных политическому режиму. Но может ли режим информационной «всеподнадзорности», низводящий до рудимента структуры и само содержание феномена гражданского общества, быть надежным контуром в системе антитеррористической защиты?

Государственные структуры отвечают на этот вопрос положительно, расширяя практику обязательного сбора данных о гражданах (в том числе негласного). Факты же свидетельствуют об обратном. В случаях крупнейших за всю историю США терактов, произошедших в последние десятилетия, информация о террористах была получена автоматизированными системами слежения заблаговременно. В частности, фиксировались телефонные разговоры Тимоти Маквея, занимавшегося подготовкой теракта в Оклахома-Сити в 1995 г.; информация о террористической группе, готовившей авиационную атаку на американские города в сентябре 2001 г.,

также имелась в распоряжении спецслужб. Однако инициаторы и исполнители акций не были своевременно обезврежены [Гарфинкель 2004: 33].

Необходимостью борьбы с терроризмом оправдывается расширение полномочий государственных структур, вплоть до формирования «полицейского государства». Между тем система превентивного электронного слежения может быть эффективна в борьбе с обычной организованной преступностью, с сетями, занимающимися производством и сбытом наркотиков, оружия, финансовым мошенничеством, распространением порнографических материалов и т.п. В борьбе же с современным терроризмом, представляющим сплав мессианских идеологий, готовности к самопожертвованию и технотронных разработок, подобной системы явно недостаточно. Практически все развитые страны мира уже несколько лет успешно разрабатывают и применяют технологии информационной войны, включая ее разновидности — психологическую (изменение массового сознания) и техническую (разрушение кибернетических систем, вывод из строя компьютеров).

Однако без универсального идеологического концепта, который утвердился бы в политическом сознании граждан и маргинализировал поведение экстремистов, все эти гуманитарно-технологические стратегии и методики будут эффективны лишь локально. Проблема и Запада, и России заключается, на наш взгляд, именно в отсутствии такого концепта, способного в условиях постмодерна стать более привлекательным, чем бунтарские радикальные информационные коды, находящие отклик у молодежи.